

¹Куманина А.А.
(Семей, Қазақстан)

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В ИСКУССТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА РОЖДЕСТВЕНСКОГО РАССКАЗА)

Аннотация

В статье речь идет о путях создания художественных образов детей в произведениях Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. В качестве исследовательской задачи была определена попытка сравнительно-сопоставительного анализа рождественских рассказов «Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевского и «Ванька» А.П. Чехова. Следуя логике построения художественного образа и жанру рождественского рассказа, автор прослеживает сходство и разницу в воссоздании детских образов.

Статья рекомендована для студентов и исследователей творчества Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова.

Ключевые слова: писатель, Достоевский, Чехов, рождественский рассказ, детский образ.

¹Куманина А.А.
(Семей, Қазақстан)

ӨНЕРДЕГІ ДӘСТҮР МЕН ЖАҢАШЫЛДЫҚ (РОЖДЕСТВОЛЫҚ ХИКАЯ ЖАНРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Аннотация

Мақалада Ф.М. Достоевский мен А.П. Чеховтың шығармаларында балалардың көркем образдарын жасау жолдары туралы айтылады. Зерттеу міндеті ретінде Ф.М. Достоевскийдің "Шыршадағы Мәсіхтің баласы" және А. П. Чеховтың "Ванка" Рождестволық әңгімелерін салыстырмалы-салыстырмалы талдау әрекеті анықталды. Көркем образды құру логикасы мен Рождестволық оқиға жанрына сүйене отырып, автор балалардың бейнелерін қайта құрудағы ұқсастықтар мен айырмашылықтарды қадағалайды.

Мақала Ф.М. Достоевский мен А.П. Чехов шығармашылығының студенттері мен зерттеушілеріне ұсынылды.

Түйінді сөздер: жазушы, Достоевский, Чехов, Рождестволық әңгіме, балалар бейнесі.

¹Kumanina A.A.
(Semey, Kazakhstan)

TRADITION AND INNOVATION IN ART (BASED ON THE GENRE OF THE CHRISTMAS STORY)

Annotation

The article deals with the ways of creating artistic images of children in the works of F.M. Dostoevsky and A.P. Chekhov. As a research task, an attempt was made to comparatively analyze the Christmas stories "The Boy at Christ on the Christmas Tree" by F.M. Dostoevsky and "Vanka" by A.P. Chekhov. Following the logic of building an artistic image and the genre of the Christmas story, the author traces the similarities and differences in recreating children's images.

The article is recommended for students and researchers of the works of F.M. Dostoevsky and A.P. Chekhov.

Key words: writer, Dostoevsky, Chekhov, Christmas story, children's image.

*Ни вдовы, ни сироты не притесняйте;
если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне,
Я услышу вопль их...
Исход 22:22-23*

*Мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже.
И если мы их учим чему-нибудь, чтоб сделать их лучше, то и они
нас делают лучше нашим соприкосновением с ними.
Ф.М. Достоевский*

*Дети святы и чисты. Нельзя делать их
Игрушкой своего настроения.
А.П. Чехов из письма Ал.П. Чехову, 2 января 1889 г.*

Введение. Жанр рождественского рассказа имеет достаточно глубокие корни: начал формироваться в средневековых мистериях, довольно быстро распространился по городам и странам и получил заслуженное признание во всемирной литературе. Остались замечательные

образцы этого жанра в творчестве Ч.Диккенса («Рождественская песнь в прозе: святочный рассказ с привидениями» (1843)), Г.Х. Андерсена («Девочка со спичками» (1845)), Э.Т.А. Гофмана («Щелкунчик, или Мышиный король» (1816)). В русской литературе рождественский рассказ получил массовое распространение во второй половине XIX века в результате бурного развития периодической печати в этот период. Святочный рассказ становится газетным и журнальным жанром. По замечанию исследователя Н.Н. Старыгиной, «в творчестве почти всех крупных беллетристов, работавших в газетной периодике во второй половине XIX века, присутствовал святочный рассказ: Н.С. Лесков, М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.И. Успенский, А.П. Чехов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.Г. Короленко, П.В. Засодимский, Л.Н. Андреев, А.М. Горький публиковали рождественские рассказы» (Старыгина 2024).

В русской литературе рождественскому рассказу предшествовало развитие жанра святочного рассказа, который осуществлял двунаправленную воспитательную функцию: писатели напоминали народу о силе божественных заповедей и, в свою очередь, черпали понимание праведности у самого народа. Впервые жанровые признаки святочного рассказа были четко сформулированы в рассказе «Жемчужное ожерелье» Н.С. Лескова (1885): «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещенья, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело» (Лесков 2024).

С развитием критического реализма, с введением социальных тем в область изучения литературы, с появлением образа ребенка в художественном пространстве текста, жанр святочного рассказа начал претерпевать трансформацию: «Сохраняя нравственный смысл содержания, русские писатели вводят социальный

аспект в вечную тему добра и зла, осложняют содержание рассказов обнажением неблагополучия и несправедливости в общественной жизни» (Старыгина 2024). Но именно это напряжение смыслов в жанре испытывает авторов на уровень виртуозности, т.к. рождественский рассказ по-прежнему должен повествовать о чуде, которое случается в рождественский сочельник с людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию.

В предлагаемом исследовании изучаются два рождественских рассказа, где в трудную ситуацию попадает не взрослый человек, а ребенок: «Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевского и «Ванька» А.П. Чехова. В центре нашего интереса поставлен вопрос о том, какие художественные смыслы и значения вкладывают авторы в детские образы, насколько образ ребенка содействует раскрытию задач жанра рождественского рассказа.

Методы исследования. В работе использованы методы жанрового, сопоставительного, биографического анализа текстов.

Обзор литературы. Классическое литературоведение XX столетия оставило богатое наследие по изучению творчества Ф.М. Достоевского и А.П.Чехова. Без фундаментальных трудов М.М. Бахтина (1979), Г.А. Бердникова (1984), Г.Бялого (1984), И.Волгина (1991), В.И. Кулешова (1985; 1984), В.Кирпотина (1983) и многих других известных ученых были бы невозможны работы сопоставительного характера, которые, в свою очередь, дают возможность обратить внимание на специфику индивидуального мировоззрения и стиля, а через единичное и уникальное увидеть сходство художественного метода, эпохальные характеристики. Потому появление таких исследований, как «Чехов и Достоевский» В.И. Кулешова (1978), «Чехов и Достоевский» М.Я. Ермаковой (1982), «Чехов - читатель Достоевского» Овчаровой П. (1982), «Человек в художественном мире Чехова и Достоевского» Э.А. Полоцкой (1983), «Russia's capitalist realism: Tolstoy, Dostoevsky, and Chekhov»

(«Российский капиталистический реализм: Толстой, Достоевский и Чехов») В. Шнейдера (2020), «Loss and Longing in Chekhov's *Three Sisters*: The Sisters Prozorov Answer the Brothers Karamazov (An Attempt to Emulate Paul Ornstein on a Small Scale and in a Minor Key)» («Утрата и тоска в «Трех сестрах» Чехова: Сестры Прозоровы отвечают «Братьям Карамазовым» (попытка подражать Полу Орнштейну на маленькой сцене и в минорной тональности)») Дж.Г. Тейхольц (2015), всегда является событием, так как привлекает больший по масштабу материал и оставляет больше возможностей для анализа.

За последние 20 лет появилось множество трудов о роли детских образов в произведениях А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого: на эту тему писали такие исследователи, как М. Медкова (2024), Г.В. Шихова (2013), Л.Н. Савина (2013), Л.А. Куликова (2024) и др. Примечателен тот факт, что в коллективном сборнике научных статей «Русская литература в иностранной аудитории» (Толстухина 2018, 20) целый раздел посвящен теме детства в русской художественной литературе и включает 19 исследований.

Результаты исследования. В условиях усложнившейся реальности осмысление детской темы в философском, социологическом, психологическом и художественном контекстах приобретает особенно важное значение. Оттого тема художественного отражения мира детства является актуальной и требует всестороннего рассмотрения. В свете этих данных в качестве исследовательской задачи нами была определена попытка провести сравнительно-сопоставительный анализ художественных образов детей в произведениях Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова, однако учитывая, что творческое наследие данных авторов чрезвычайно обширно, мы сфокусировали наше внимание исключительно на рассказах «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского (1982) и «Ванька» А.П. Чехова (1961). События в обоих произведениях происходят накануне Рождества, соответственно, анализ

проводился в традициях жанра рождественского рассказа.

Жанр рождественского рассказа, несмотря на то, что уже как бы сигнализирует читателю, что непременно должно произойти чудо, всегда оставляет для русских писателей некоторую свободу от канона, принятого в европейской литературе. Посмотрим на примере произведений А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского реализацию жанровых признаков рождественского рассказа, проанализируем, как создаются художественные образы детей на всех уровнях композиции данных рассказов.

В первую очередь, рассмотрим историю создания данных произведений. 26 декабря 1875 года Ф.М. Достоевский вместе с дочерью Любой побывал на детском балу и рождественской ёлке, устроенной в Петербургском клубе художников. 27 декабря Достоевский и А.Ф. Кони прибыли в Колонию для малолетних преступников на окраине города на Охте, возглавляемой известным педагогом и писателем П.А. Ровинским. В эти же предновогодние дни ему несколько раз на улицах Санкт-Петербурга встретился нищий мальчик, просивший милостыню («мальчик с ручкой»). Все эти предновогодние впечатления легли в основу его рождественского рассказа «Мальчик у Христа на ёлке». Ф.М. Достоевский приступил к его написанию 30 декабря 1875 года, и к концу января «Мальчик у Христа на ёлке» был опубликован наряду с другими материалами о «русских теперешних детях» в январском выпуске «Дневника писателя за 1876 г.» (Есин 1977). Рассказ А.П. Чехова «Ванька» впервые был опубликован в «Петербургской газете» за 1886 год (№354, 25 декабря) в разделе «Рождественские истории», т.е. спустя 10 лет после издания рассказа Ф.М. Достоевского. Эти данные позволяют прийти к выводу о том, что ни Ф.М. Достоевский, ни А.П. Чехов не давали своим произведениям подзаголовков «рождественский рассказ», но сроки публикации и частичное соответствие жанровым признакам позволяют

литературоведам относить данные рассказы именно к жанру рождественских.

Если обратиться к истории рождения самого образа Ваньки Жукова, то исследователи творчества Чехова выдвигают три основные версии. Согласно одной из них, Антон Павлович, детство которого прошло в отцовской лавке со всеми ненормальностями и мучениями, воспроизвёл в рассказе свои собственные жизненные впечатления. Вторая версия, озвученная филологом Алексеем Пехтеревым, связана с судьбой Михаила – родственника писателя по отцовской линии, которого отец отправил «в люди» к московскому купцу. Мальчик работал в его амбарах бесплатно, получая вместо денег скудную еду. Также заслуживает внимания третья версия, согласно которой прототипом Ваньки является реальный крестьянский мальчик, портрет которого запечатлён на картине родного брата писателя – Николая Павловича. Это сходство усиливается во многом благодаря названию портретного этюда – «Крестьянский мальчик (Ванька Жуков)» (1881).

Работа с заглавиями позволяет увидеть очень интересное явление. Название рассказа «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского сразу отвечает на несколько важных вопросов: про кого идёт речь в произведении (про мальчика), где происходят описываемые события (у Христа, следовательно, в Царстве Небесном), когда происходят события (на ёлке, следовательно, в предрождественскую ночь). По сути, заглавие является спойлером – Ф.М. Достоевский нам сразу говорит о том, какой будет финал (сравните, «Преступление и наказание» - аналогично читатель знает, что обязательно будет аморальное событие, и преступник будет наказан), однако интрига не отпускает читателя до самого конца, пока вместе с мальчиком бегаем от дома к дому в поисках тепла и еды, в голове все время крутится мысль «А где же Христос? Когда мальчик прибежит на ёлку к Христу?». Кроме того, данное заглавие является видоизмененной аллюзией к

известному крылатому выражению «жить как у Христа за пазухой», т.е. согласно «Толковому словарю русского языка» жить «спокойно, без забот» (Ожегов и Шведова 1999, 488).

Название рассказа «Ванька» (1886) А.П. Чехова отвечает только на один вопрос: про кого идёт речь в произведении? Читатель может предположить, что речь в рассказе пойдет про мальчика, а где находится мальчик, и когда происходят события, читатель узнает только в процессе чтения. Интересно, что к 1886 году у А.П. Чехова уже был написан рассказ с точно таким же названием «Ванька» (1884), но только он был про 25-летнего извозчика Петруху. Совпадение в названии, на наш взгляд, не случайно. Похожи даже некоторые моменты из биографии извозчика Петрухи и Ваньки Жукова. Сравним, как Петруха рассказывает о себе и своем детстве:

«Меня отец и мать избаловали. (...) Царство им небесное! Как породили меня на теплой печке, так до десятого годка и не снимали оттеда. (...) Одевали меня наилучшим манером, грамоте для нежности обучали. (...) Богаты не были, да и с голоду, благодарить бога, не мерли. Жили мы, барин, в семействе... семейством, стало быть... Дед мой тогда жив был (...) Дед тоже баловал...» (Чехов 1960, 174).

Такое сходство тем, образов, сюжетики, стилистики изложения позволяет предположить, что рассказ «Ванька» 1884 года является своего рода приквелом рассказа «Ванька» 1886 года, однако данное предположение требует детального изучения и обоснования за рамками настоящей работы.

Таким образом, в названиях рождественских рассказов Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова совпадают только указание на субъект, о котором пойдёт речь – несовершеннолетнем лице мужского пола, т.е. мальчике.

В ходе анализа текста Ф.М. Достоевского обнаружено, что уже в первом предложении автор дает возрастную характеристику своего главного персонажа:

Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. (Достоевский 1982).

Мы считаем, что упоминание именно этого возраста неслучайно, если вспомнить, что согласно православной традиции детей до семи лет считают младенцами и причащают без исповеди, потому что принято считать, что в данном возрасте они еще безгрешны и подобны ангелам. Возможно, именно поэтому замёрзший мальчик попадает на небо в качестве ангела и окружен такими же ангелочками – безвинно погибшими младенцами:

И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули (...), другие задохлись у чухонки, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (...), четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа... (Достоевский 1982).

Важно также и то, что в тексте рассказа не упоминается имя мальчика:

Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале (...) Подкрался мальчик, отворил вдруг дверь и вошел... И подумал сперва мальчик, что они живые, а как догадался совсем, что это куколки, – вдруг рассмеялся... (Достоевский 1982).

Вполне возможно, что безымянный мальчик Ф.М. Достоевского появился под влиянием галереи прекрасных безымянных образов Г.Х. Андерсена – русалочки, стойкого оловянного солдатика, девочки со спичками. Исследования Л.С. Рыгальной (2018) и О.А. Дехановой (1999) подтверждают тот факт, что Ф.М. Достоевский в 1860-70-е гг. имел представление о творчестве Андерсена: сказки Андерсена были переведены на русский язык в 1863 г. «Обществом переводчиц», возглавляемых М.В. Трубниковой и Н.В. Стасовой.

Иначе построен рассказ А.П. Чехова. Уже в первом предложении писатель не только повторяет

номинацию главного персонажа, данную в заглавии и несущую оттенок пренебрежительности - *Ванька*, но и вводит несколько существенных черт в его портретную характеристику: мы узнаём фамилию – *Жуков*, возраст – *9 лет*, род деятельности – *ученик сапожника*, трудовой стаж – *три месяца*:

«Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать» (Чехов 1961, 501).

Далее сам автор называет мальчика *Ванька* или *он*, лишь однажды применив уменьшительно-ласкательное прозвище *Ванюшка*:

«Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за елкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. (...) Бывало, прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озябшим Ванюшкой...» (Чехов 1961, 504).

В этой номинации *Ванюшка* отражается недавнее прошлое мальчика, о котором заботилась и мамка Пелагея, и дедушка Константин Макарыч, и барышня Ольга Игнатьевна. Также важно, как *Ванька* подписывает своё письмо:

«Остаюсь твой внук Иван Жуков» (Чехов 1961, 504).

То, что *Ванька* именуется себя *Иваном Жуковым*, означает, что он осознает себя самостоятельным взрослым человеком, способным зарабатывать деньги и отвечать за здоровье и благополучие дедушки.

Используя приём «говорящей фамилии» А.П. Чехов сообщает читателю о нескольких разносторонних характеристиках мальчика:

1. *Жук* – это насекомое маленьких размеров. Иначе говоря, главный персонаж мал летами и невысок ростом (сравним с характеристикой дедушки Константина Макарыча:

«Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка лет 65-ти, с вечно

смеющимся лицом и пьяными глазами» (Чехов 1961, 501).

2. Жук всё время чем-то занят. Ванька тоже всё время занят:

«...я качал ихнего ребятенка в люльке (Полоцкая 1983, 502), хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста (Полоцкая 1983, 502), Подмастерья (...) посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы» (Полоцкая 1983, 503).

Также Ваньку регулярно отправляют за покупками в лавки, в которых продаются *«и тетерева, и рябцы, и зайцы»* (Чехов 1961, 503). Фраза *«на клирос петь никого не пуцают»* (Чехов 1961, 503) свидетельствует о том, что Ванюшка ходил в церковь и просил, чтобы его взяли певчим (ср.: факт из биографии А.П. Чехова – с малолетства был певчим в церковном хоре г. Таганрога)

3. «Ну, и жук!» – неодобрительно, но с легким оттенком восхищения обычно говорят о пронырливом человеке, у которого везде есть свои связи. Письмо мальчика ясно показывает, что главный герой коммуникабельный – он всего три месяца в Москве, а уже завел себе знакомых среди продавцов:

«Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики...» (Чехов 1961, 505).

Также важной деталью является упоминание о том, что письмо Иван положил *«в конверт, купленный накануне за копейку...»* (Чехов 1961, 504). Кто мог дать ему эту копейку? Хозяева не могли, скорее всего, он заработал ее, когда писал письма под диктовку подмастерьев, тогда понятно, как в его письме появилось столь чуждое крестьянам обращение на «вы» к дедушке:

«Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего от господ бога» (Чехов 1961, 501).

4. Жук – это насекомое, тело которого покрыто твёрдым панцирем, оттого не всякого жука так легко прихлопнуть, вот и Ванька еще жив, несмотря на то, что, по его словам,

«(...) меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу» (Чехов 1961, 504).

Таким образом, художественное развитие образа в рассказе Ф.М. Достоевского не высвобождает дополнительной информации в силу безымянности мальчика, отсутствия дополнительных семантических кодов (имени, ассоциаций, аллюзий), а художественный образ Ваньки Жукова приобретает дополнительные оттенки в ходе анализа его «говорящей фамилии» и других художественных знаков.

Теперь рассмотрим, как помогает раскрытию художественных образов детей хронотоп анализируемых произведений.

На пространственно-временном уровне в рассказе Ф.М. Достоевского, как отмечалось нами ранее, чётко определено предрождественское время и географически размытая локация:

«(...) именно это случилось как раз накануне рождества, в каком-то огромном городе и в ужасный мороз» (Достоевский 1982).

Причем, указав на *огромный город* в конце первого абзаца, писатель уже в начале второго абзаца сужает локацию до *подвала*:

«Мерещится мне, был в подвале мальчик...» (Достоевский 1982),

вдруг вновь расширяя пространство в конце того же второго абзаца до *улицы*:

«Но собаки уже не было, и он вдруг вышел на улицу...» (Достоевский 1982)

Увиденное на этой улице глубоко поразило мальчика:

«Господи, какой город!» (Достоевский 1982).

Он вспоминает свой родной край:

«Там, откудова он приехал, по ночам такой черный мрак (...) Но там было, зато так тепло и ему давали кушать, а здесь – Господи, кабы покушать! И какой здесь стук, и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз!» (Достоевский 1982)

Достоевский «максимально, насколько это допускалось канонам святочного рассказа, постарался сохранить очевидный для читателя с первых строк «петербургский» колорит. Для этого и упоминается в рассказе целый ряд типичных для русской жизни фигур: *хозяйка угла, халатник, блюститель порядка, барыня, дворник*. А также даётся контрастное описание уголка русской провинции, откуда приехал ребёнок с матерью, и столицы (Рыгалова 2018, 15). *Мрак*, который главенствует в родном краю, противопоставляется свету в огромном городе, сытость – голоду, тепло – холоду.

Поразительно, что дополнительным характеризующим параметром пространства в контексте данного рассказа выступает мороз – температурная характеристика в значении «очень холодная погода» (Ожегов и Шведова 1999, 366). Мороз снаружи всё больше проникает в мальчика, ограничивая его жизненное пространство:

«... и так больно стало вдруг пальчикам, ...Глядит мальчик, дивится, уж и смеется, а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить» (Достоевский 1982).

Неожиданно писатель градацию меняет на контраст:

«(...) и вдруг, совсем вдруг, стало так ему хорошо: ручки и ножки вдруг перестали болеть и стало так тепло, так тепло, как на печке; вот он весь вздрогнул: ах, да ведь он было заснул!»

Физическая характеристика тепло сопровождает переход в новое пространство/состояние – «сновидение», как определил его мальчик, но на самом деле это состояние смерти:

«А внизу, наутро, дворники нашли маленький трупик забежавшего и замерзшего за дровами мальчика...» (Достоевский 1982)

Так косвенно мороз становится проявлением амбивалентной силы, с одной стороны, забравшей жизнь мальчика и прервавшей его земное существование, а с другой, проявившей его ангельский лик и возродивший бессмертную душу ребенка.

Если хронотоп у Ф.М. Достоевского всё время, то сужается, то расширяется, то у А.П. Чехова пространственно-временной ряд развивается циклично: «комната» – «пространство текста письма» – «пространство воспоминаний» – «комната» – «пространство текста письма» – «пространство воспоминаний» – «комната» – «пространство сна» ....

По нашему мнению, данные анализируемые произведения являются не совсем традиционными рождественскими историями, которые по законам жанра неизбежно заканчиваются счастливым финалом: читатель точно знает, что письмо Ваньки никогда не дойдёт до дедушки Константина Макарыча, и замерзшего мальчика уже не воскресить к жизни земной...

Но финал рассказа «Мальчик у Христа на ёлке» светел уже потому, что рассказчик подарил мальчику приют в Небесном Царстве, где всегда тепло, светло, другие детишки-ангелы обнимают, целуют его, он видит живой, здоровой и весёлой свою мамочку.

В финале рассказа «Ванька» также есть значительная доля оптимизма: главный герой живой и относительно здоровый, Ванюшка засыпает счастливый, потому что ему никто не помешал написать и отправить письмо, в котором он высказал всё, что у него на душе накопело-наболело, выплакал все запряванные слёзы от незаслуженных обид, исповедался дедушке в принудительном воровстве, и, как следствие, ощутил прошел через очищение своей детской души.

Заключение. Подводя итог данному исследованию, хочется отметить, что в структуре рассказов Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова при создании художественных образов главных героев – безымянного Мальчика и Ванюшки Жукова,

непостижимым образом образуется «concordia discordans» (соединение противоположностей), создающее то самое драматургическое напряжение в развитии действия рассказа, которое держит градус художественного интереса от начала до конца повествования. Исследование позволяет обратить внимание на разницу понимания жанра рождественского рассказа, его обусловленность особенностями художественного стиля и мировоззрения художника.

Список использованных источников:

1. Бахтин, М. **1979**. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Советская Россия.
2. Бердников, Г. **1984**. *А.П. Чехов. Идеи и творческие искания*. Москва: Художественная литература.
3. Бялый, Г. **1981**. *Чехов и русский реализм*. Ленинград: Советский писатель.
4. Волгин, И. **1991**. *Последний год Достоевского*. Москва: Советский писатель.
5. Деханова, О.А. **1999**. "Ф.М. Достоевский и Г.Х. Андерсен: фантазии и реальность." *Вестник Челябинского гос. унив. Серия «Языкознание и литературоведение»*, №2, том 2: 77–88.
6. Достоевский, Ф.М. **1982**. "Мальчик у Христа на ёлке." Интернет ресурс: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0540.shtml. Дата обращения: 11.08.2024.
7. Ермакова, М.Я. **1982**. "Чехов и Достоевский." В *Романы Достоевского и их традиции в русской и советской литературе: Уч. пособие по спецкурсу*, 42–54. Горький.
8. Есин, Б.И. **1977**. *Чехов – журналист*. Москва.
9. Кирпотин, В. **1983**. *Мир Достоевского*. Москва: Советский писатель.
10. Кулешов, В.И. **1978**. "Чехов и Достоевский." В *Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература*, 50–56. Москва.
11. Кулешов, В.И. **1984**. *Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского*. Москва: Детская литература.
12. Кулешов, В.И. **1985**. *Чеховские чтения в Ялте*. Москва: Советская Россия.
13. Куликова, Л.А., и М. Морозова. **2024**. "Образы детей и их роль в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»." Интернет ресурс: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=31519>. Дата обращения: 11.08.2024.
14. Лесков, Н.С. **2024**. "Жемчужное ожерелье." Интернет ресурс: <https://www.litmir.me/br/?b=49516&p=1>. Дата обращения: 11.08.2024.

15. Медкова, М. **2024**. "Образ ребенка и детства в детской литературе XX века (феноменологический анализ детской литературной сказки)." Интернет ресурс: <https://m.polit.ru/article/2003/05/27/618609/>. Дата обращения: 11.08.2024.
16. Овчарова, П. **1982**. "Чехов – читатель Достоевского." *Литературная учеба*, №3: 183–192.
17. Ожегов, С.И., и Н.Ю. Шведова. **1999**. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. 4-е изд., доп. Москва: РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова.
18. Полоцкая, Э.А. **1983**. *Человек в художественном мире Чехова и Достоевского*. Москва: Проспект.
19. Рыгалова, Л.С. **2018**. "Жанр рождественского рассказа в русской литературе." В *Экономика, право, культура в эпоху общественных преобразований: Материалы межд. науч.-практ. конф.*, 454. Алматы.
20. Савина, Л.Н. **2013**. "Изучение автобиографических повестей о детстве (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», А.К. Толстой «Детство Никиты»)." В *Уроки литературы с применением информационных технологий. 5-11 классы. Изучение «сквозных» тем в процессе преподавания литературы. Методическое пособие с электронным интерактивным приложением*, ред. Г.М. Вялкова и Т.А. Чернова, 28–39. Москва: Планета.
21. Старыгина, Н.Н. **2024**. "Святочный рассказ как жанр." Интернет ресурс: <https://philolog.petrus.ru/filolog/konf/1992/11-starygina.htm>. Дата обращения: 11.08.2024.
22. Толстухина, И.И., ред. **2018**. *Русская литература в иностранной аудитории. Сборник научных статей*. Вып. 7. Санкт-Петербург.
23. Чехов, А.П. **1960**. "Ванька." В *Собрание сочинений в 12-ти томах. Том 2*, 173–175. Москва.
24. Чехов, А.П. **1961**. "Ванька." В *Собрание сочинений в 12-ти томах. Том 4*, 501–505. Москва.
25. Шихова, Г.В. **2013**. "Мир детства в русской и зарубежной литературе." В *Уроки литературы с применением информационных технологий. 5-11 классы. Изучение «сквозных» тем в процессе преподавания литературы. Методическое пособие с электронным интерактивным приложением*, ред. Г.М. Вялкова и Т.А. Чернова, 16–27. Москва: Планета.
26. Shneyder, Vadim. **2020**. *Russia's Capitalist Realism: Tolstoy, Dostoevsky, and Chekhov*. Evanston, IL: Northwestern University Press. <https://doi.org/10.1080/00085006.2021.1989894>.
27. Teicholz, Judith Guss. **2015**. "Loss and Longing in Chekhov's Three Sisters: The Sisters Prozorov Answer the Brothers Karamazov." Интернет ресурс: <https://doi.org/10.1080/15551024.2015.1005800>. Дата обращения: 11.08.2024.

References:

1. Bachtin, M. **1979**. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Moskva: Sovetskaya Rossiya (in Russian).
2. Berdnikov, G. **1984**. *A.P. Chekhov. Ideynye i tvorcheskie iskaniya*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
3. Byalyi, G. **1981**. *Chekhov i russskiy realizm*. Leningrad: Sovetskiy pisatel (in Russian).
4. Volgin, I. **1991**. *Posledniy god Dostoevskogo*. Moskva: Sovetskiy pisatel (in Russian).
5. Dekhanova, O.A. **1999**. "F.M. Dostoevskiy i G.Kh. Andersen: fantazii i realnost'." *Vestnik Chelyabinskogo gos. univ. Seriya «Yazykoznanie i literaturovedenie»* №2, tom 2: 77–88 (in Russian).
6. Dostoevskiy, F.M. **1982**. "Mal'chik u Khrista na yolke." *Internet resurs: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0540.shtml*. Data obrashcheniya: 11.08.2024 (in Russian).
7. Ermakova, M.Ya. **1982**. "Chekhov i Dostoevskiy." V *Romany Dostoevskogo i ikh traditsii v russskoy i sovetskoy literature: Uch. posobie po spetskursu*, 42–54. Gorkiy (in Russian).
8. Esin, B.I. **1977**. *Chekhov – zhurnalist*. Moskva (in Russian).
9. Kirpotin, V. **1983**. *Mir Dostoevskogo*. Moskva: Sovetskiy pisatel (in Russian).
10. Kuleshov, V.I. **1978**. "Chekhov i Dostoevskiy." V *Chekhovskie chteniya v Yalte: Chekhov i russskaya literatura*, 50–56. Moskva (in Russian).
11. Kuleshov, V.I. **1984**. *Zhizn' i tvorchestvo F.M. Dostoevskogo*. Moskva: Detskaya literatura (in Russian).
12. Kuleshov, V.I. **1985**. *Chekhovskie chteniya v Yalte*. Moskva: Sovetskaya Rossiya (in Russian).
13. Kulikova, L.A., i M. Morozova. **2024**. "Obrazy detey i ikh rol' v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»." *Internet resurs: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=31519>*. Data obrashcheniya: 11.08.2024 (in Russian).
14. Leskov, N.S. **2024**. "Zhemchuzhnoe ozherel'e." *Internet resurs: <https://www.litmir.me/br/?b=49516&p=1>*. Data obrashcheniya: 11.08.2024 (in Russian).
15. Medkova, M. **2024**. "Obraz rebenka i detstva v detskoj literature XX veka (fenomenologicheskij analiz detskoj literaturnoy skazki)." *Internet resurs: <https://m.polit.ru/article/2003/05/27/618609/>*. Data obrashcheniya: 11.08.2024 (in Russian).
16. Ovcharova, P. **1982**. "Chekhov – chitatel' Dostoevskogo." *Literaturnaya ucheba*, №3: 183–192 (in Russian).
17. Ozhegov, S.I., i N.Yu. Shvedova. **1999**. *Tolkovyy slovar' russskogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy*. 4-e izd., dop. Moskva: RAN, Institut russskogo yazyka im. V.V. Vinogradova (in Russian).
18. Polotskaya, E.A. **1983**. *Chelovek v khudozhestvennom mire Chekhova i Dostoevskogo*. Moskva: Prospekt (in Russian).
19. Rygalova, L.S. **2018**. "Zhanr rozhdestvenskogo rasskaza v russskoy literature." V *Ekonomika, pravo, kultura v epokhu*

obshchestvennykh preobrazovaniy: Materialy mezhd. nauch.-prakt. konf., 454. Almaty (in Russian).

20. Savina, L.N. **2013**. "Izuchenie avtobiograficheskikh povestey o detstve (L.N. Tolstoy «Detstvo», S.T. Aksakov «Detskie gody Bagrova-vnuka», A.K. Tolstoy «Detstvo Nikity»)." V *Uroki literatury s primeneniem informatsionnykh tekhnologiy. 5-11 klassy. Izuchenie «skvoznykh» tem v protsesse prepodavaniya literatury. Metodicheskoe posobie s elektronnyim interaktivnyim prilozheniem*, red. G.M. Vyal'kova i T.A. Chernova, 28–39. Moskva: Planeta (in Russian).

21. Starygina, N.N. **2024**. "Svyatochnyy rasskaz kak zhanr." *Internet resurs*: <https://philolog.petsu.ru/filolog/konf/1992/11-starygina.htm>. Data obrashcheniya: 11.08.2024 (in Russian).

22. Tolstukhina, I.I., red. **2018**. *Russkaya literatura v inostrannoy auditorii. Sbornik nauchnykh statey*. Vyp. 7. Sankt-Peterburg (in Russian).

23. Chekhov, A.P. **1960**. "Vanka." V *Sobranie sochineniy v 12-ti tomakh. Tom 2*, 173–175. Moskva (in Russian).

24. Chekhov, A.P. **1961**. "Vanka." V *Sobranie sochineniy v 12-ti tomakh. Tom 4*, 501–505. Moskva (in Russian).

25. Shikhova, G.V. **2013**. "Mir detstva v russkoy i zarubezhnoy literature." V *Uroki literatury s primeneniem informatsionnykh tekhnologiy. 5-11 klassy. Izuchenie «skvoznykh» tem v protsesse prepodavaniya literatury. Metodicheskoe posobie s elektronnyim interaktivnyim prilozheniem*, red. G.M. Vyal'kova i T.A. Chernova, 16–27. Moskva: Planeta (in Russian).

26. Shneyder, Vadim. **2020**. *Russia's Capitalist Realism: Tolstoy, Dostoevsky, and Chekhov*. Evanston, IL: Northwestern University Press. <https://doi.org/10.1080/00085006.2021.1989894> (in English).

27. Teicholz, Judith Guss. **2015**. "Loss and Longing in Chekhov's Three Sisters: The Sisters Prozorov Answer the Brothers Karamazov." *Internet resurs*: <https://doi.org/10.1080/15551024.2015.1005800>. Data obrashcheniya: 11.08.2024 (in English).